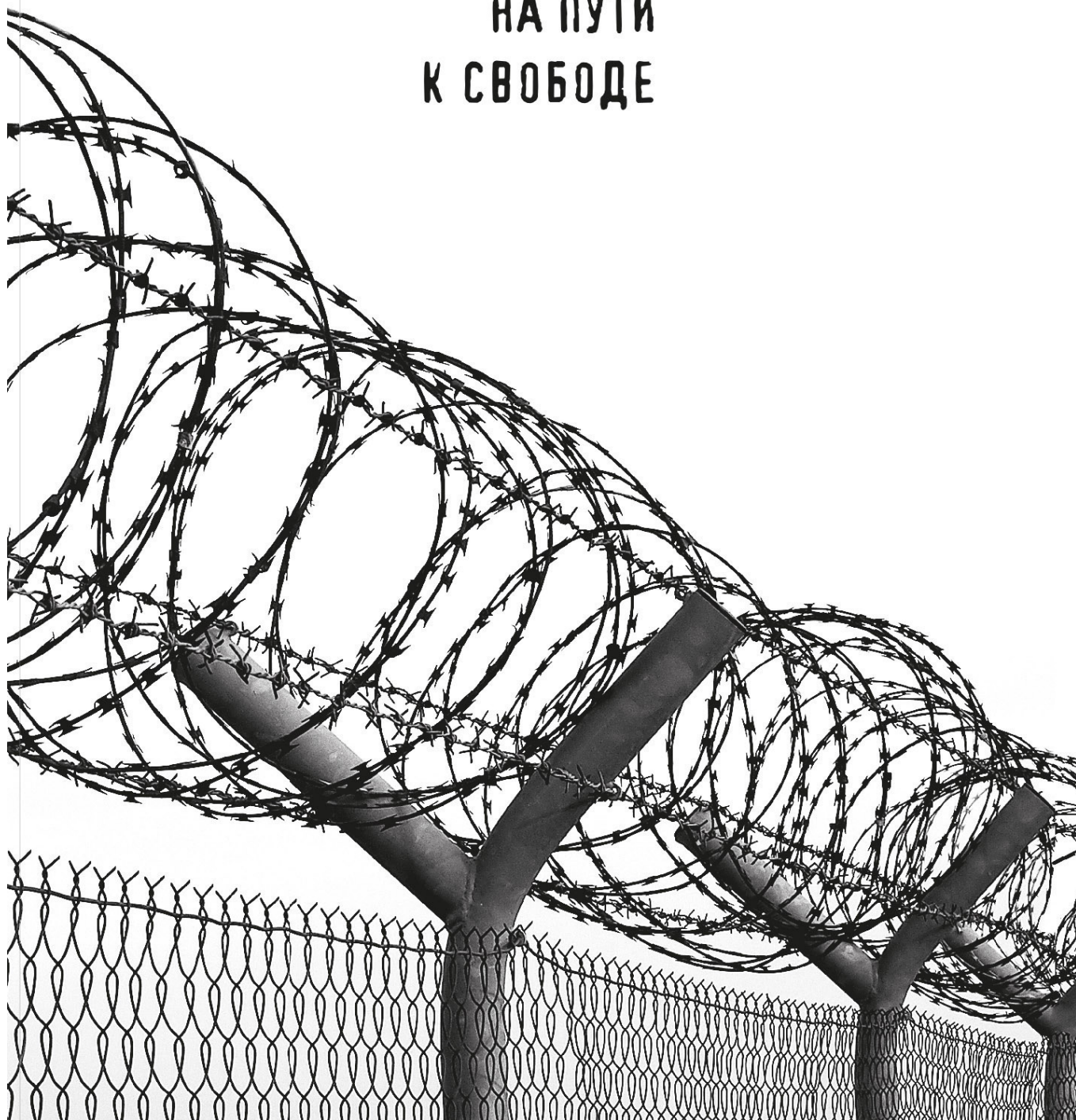

ЫНСУН КИМ

ПОБЕГ

ИЗ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

НА ПУТИ
К СВОБОДЕ

Ынсун Ким

**Побег из Северной
Кореи. На пути к свободе**

«Кучково поле»

2012

УДК 323.2
ББК 63.3 (55)8

Ким Ы.

Побег из Северной Кореи. На пути к свободе / Ы. Ким —
«Кучково поле», 2012

ISBN 978-5-9950-0678-7

Книга представляет собой воспоминания корейской девушки, которая со своей матерью и старшей сестрой в течение девяти лет пыталась добраться из Северной Кореи в Южную. Их одиссея началась во время голода 1998 года, когда Ынсун было 11 лет. После скитаний по родной стране семья решила бежать в Китай. Переход границы, семейное рабство в китайской деревне, рождение брата, бегство в Далянь, потом в Шанхай, мечта о Южной Корее, наконец, переход через пустыню в Монголию, а оттуда после долгих мытарств путешествие в Сеул и новая жизнь. Глазами этой девушки читатель видит повседневную реальность общества Северной Кореи и тот путь, что приходится пройти тем, кто хочет выбраться из одного из самых закрытых и авторитарных государств мира.

УДК 323.2
ББК 63.3 (55)8

ISBN 978-5-9950-0678-7

© Ким Ы., 2012
© Кучково поле, 2012

Содержание

Декабрь 1997 года. Смерть в одиннадцать лет	6
Глава 1. Написать, чтобы сохранилось свидетельство	8
Глава 2. Я была хорошей ученицей...	11
Глава 3. В царстве Ким	15
Глава 4. «Скоро мы все умрем»	18
Глава 5. Бегство	21
Глава 6. Бездомные: стыд	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ынсун Ким, Себастьян Фаллетти

Побег из Северной Кореи. На пути к свободе

Eunsun Kim

Sebastien Falletti

Corée du Nord. 9 ans pour fuir l'enfer

© Michel Lafon, 2012

© ООО «Кучково поле», издание на русском языке, 2016

* * *

*Благодарим Сучжин Парк, Ынчжи Парк, Дживон Лим за перевод
истории Ынсун Ким и вклад в создание этой книги.*

*Молодым людям Северной Кореи. Пусть они обретут свободу и
право на мечту.*

Декабрь 1997 года. Смерть в одиннадцать лет

Почти целую неделю я провела одна в нашей маленькой промерзшей квартире в Ындоке, северокорейском городке, где я родилась. Мои родители продали всю мебель, за исключением платяного шкафа и низкого столика, чтобы купить еду. Ушло и покрытие с пола, так что я спала в самодельном спальном мешке из старой одежды прямо на бетоне. Лишь фотографии в рамках (наш «вечный президент» Ким Ир Сен и, рядом с ним, его преемник, Верховный Главнокомандующий Ким Чен Ир) остались на голой стене и пристально смотрели на меня. Но продажа этих портретов считалась святотатством и каралась смертью.

Смеркалось, но мне еще удавалось разбирать написанное. Электричество отключили; впрочем, лампочки уже давно пропали. Декабрьский день заканчивался, медленно наступала ночь. Отопление не работало, но я едва чувствовала холод: сил почти не осталось. Я ничего не ела несколько дней, и вскоре меня ожидала голодная смерть.

Итак, я взялась писать завещание.

Мне было 11 лет.

* * *

Я приняла это решение, когда вернулась домой. Три раза я выходила из дома на поиски мамы и старшей сестры, Кымсун. Они поехали в Раджин-Сонбон, большой соседний город, потому что в Ындоке нам нечего было есть; с тех пор прошло уже шесть дней. Собрав всю свою храбрость, я быстро пробежала по большому мосту через реку, потом поднялась по главной улице до вокзала. Прохожие на улице попадались редко, но я пристально рассматривала всех встречающих: боялась разминуться с мамой, если она будет возвращаться домой. По дороге я заметила слева магазин, где торговали лапшой (я ее очень любила, и раньше папа меня водил туда по праздникам); а дальше – фотостудию (там напечатали наш семейный портрет). На вокзале мне позволили бесплатно (из-за того, что я была еще ребенком) присоединиться к толпе народа позади грузовика, который через час отправлялся в Раджин-Сонбон.

Всю дорогу я не переставала нервно оглядывать встречные машины и грузовики: искала мамино лицо. Но в итоге я очутилась одна у заставы, охраняемой отрядом людей в форме. Путь в Раджин-Сонбон преграждала колючая проволока под током. Чтобы попасть в город, обязательно требовалось специальное разрешение. Вот почему целый час я вынуждена была оставаться на посту, с надеждой и болью вглядываясь в силуэты выходивших людей. Ни мама, ни Кымсун через заставу так и не прошли. Приближалась ночь, и я, подавленная, решила вернуться домой.

На этот раз я была уверена, что мать и сестра никогда не вернутся: или с ними что-то случилось, или они меня бросили. С тяжелым сердцем я положилась на волю матери. Уезжая, она сказала, что принесет поесть «через два или три дня», и оставила мне 15 вон на жизнь. В моих глазах – целое состояние!

Поначалу я была очень взволнована, ведь у меня никогда не было столько денег! Глаза у меня сияли. Я совсем одна, как взрослый человек, гордо расплатилась на *янгмаданге*, рынке возле реки. Купив кусок тофу, я вернулась в нашу крошечную квартирку с комнатой-кухней на первом этаже. Там я маленькими ложечками ела мягкий белый тофу, ограничивая себя, чтобы продержаться до возвращения семьи. Какое наслаждение, я обожала тофу! Два дня я оставалась дома и смотрела на людей из окна, выходившего на улицу. Несколькими неделями раньше, 11 ноября, умер отец; с тех пор мы с сестрой больше не ходили в школу: чтобы как-то прожить, нам приходилось заниматься сбором корней и дров в горах. Да и стыдно было бы нам

вернуться в класс, не имея приличной одежды. Мы ходили в отрепье, все остальное продали. На улице я всегда боялась случайно наткнуться на знакомых.

К концу второго дня меня стал терзать голод. И еще я боялась, что меня бросили. После того, как я доела тофу, не осталось ничего. И мама все не возвращалась! Я лежала на полу, закрыв глаза, и считала про себя: конечно же, она появится, когда я досчитаю до десяти. Но ничего не изменилось. Тогда я стала считать с десяти до одного. Дальше не получалось. Потом я узнала, что такое голод. На балконе нашлось несколько пыльных листьев репы, оставшихся с тех пор, когда мы ее сушили. Я выбрала наименее пожелтевшие, прокипятитила и сделала суп. Два дня я жила на этом безвкусном питье. Потом еще два дня во рту у меня не было ни крошки: сил не осталось даже на то, чтобы пойти просить милостыню или украсть что-нибудь. Понемногу тело приспособлялось к назойливому голоду, но я слабела. Меня все сильнее охватывала тяжелая усталость. От слабости клонило в сон и возникало мучительное ощущение, что я проваливаюсь сквозь пол. Это было странно: я чувствовала себя так, словно меня затягивало в глубь земли.

Пришло тяжелое осознание приближающейся смерти. Моя семья рисковала вернуться слишком поздно. Все было кончено. С тех пор, как начался голод, я привыкала к мысли, что не выдержу, и теперь даже не боялась смерти.

Все же я говорила себе, что не могу вот так бесследно уйти. Это было бы странно... И тут я внезапно решила написать завещание. Я хотела объяснить матери, что пережила. Я хотела, чтобы она знала: я ждала ее, изо всех сил старалась ее найти; и особенно – о том, что я чувствовала себя брошенной.

В ящике стола я нашла маленький блокнот и карандаш – редкие вещи, оставшиеся непроданными. Бумага была хорошего качества. В сумерках я скорчилась на полу и начала писать. Я писала о своих злоключениях, о трех поездках до большого города и обратно. Я была в отчаянии. Стиснув карандаш, я исписала целую страницу.

«[...] Мама, я тебя жду. Я тебя жду шесть дней. Я чувствую, что скоро умру. Почему ты не приходишь?»

Потом я расплакалась и всхлипывала в темноте, которая все плотнее сгущалась вокруг. Внезапно я услышала шум на лестнице; сердце подскочило. Но это всего-навсего вернулись домой соседи...

Я оставила записку на столе, на видном месте. Потом, с мокрым от слез лицом, вытянулась на полу и закрыла глаза. Я была уверена, что больше не проснусь.

Глава 1. Написать, чтобы сохранилось свидетельство

Март 2011. Смыкаются автоматические двери. Поезд трогается с места, перед глазами тянется платформа, а потом меня поглощает черный туннель. Внезапные вспышки света на темной стене, калейдоскоп цветных пятен – реклама со слоганом, который я не успеваю прочесть. В Сеуле все, даже метро, движется слишком быстро.

Мне 25 лет, меня зовут Ынсун. С виду я обыкновенная студентка, и благодаря моему миниатюрному телосложению никто не замечает, что я старше сокурсниц. Через 40 минут я приеду в университет Соган, один из лучших в Южной Корее. Я со своими ценностями и друзьями чувствую себя как дома в нашем кампусе, пусть он и не такой эффектный, как в престижном Корейском университете или в университете Енсе.

Весь день уже расписан. Вооружившись желто-оранжевым ноутбуком «Самсунг», я провожу время в библиотеке за подготовкой к экзамену. Иногда буду стучать по кнопкам фиолетового айфона, разыскивая товарищей для похода в «Старбакс» на территории кампуса. Мне латте, – эспresso слишком горький. Потом – возвращение в библиотеку, где я постараюсь не заснуть на книгах. Я изучаю китайский язык и китайскую культуру (вы позже поймете, почему). В Южной Корее бешеная конкуренция за лучшие оценки, но я делаю все возможное. Среди моих товарищей немногие знают, что я долгие годы была лишена обучения в школе, так как я стараюсь скрывать отставание. Я люблю учиться, особенно в начале семестра, когда новые преподаватели приводят в восторг, и я узнаю массу всего. Около десяти вечера я вернусь в нашу квартиру, затерянную в сердце большого города, и найду там Кымсун и маму.

Сеул – гигантская столица, где живет больше 15 миллионов человек, возвышаются небоскребы и пролегают бесконечные автострады. Посреди Сеула, охваченная колоссальными мостами, течет огромная река Хан. Когда она замерзает зимой, можно обходиться без мостов и переходить ее по льду. Дальше, прямо в центре, возвышаются остроконечные горы; на одной из них возведена огромная телебашня. Башня Намсан – символ города, который меня приютил. Конечно, в Сеуле во время июльских дождей случаются многочасовые автомобильные пробки, да и аренда жилья здесь стоит безумных денег. Но жизнь так увлекательна, так удобна, и все так быстро движется! Повсюду есть высокоскоростной Интернет. Днем и ночью развлечения на каждом углу. В студенческом квартале Синчон я часто встречаюсь с друзьями по вечерам, чтобы выпить местного пива *мекжу* в круглосуточно открытых барах. Мы едим сушеных осьминогов и *чукуми* (особый вид осьминога с пятью конечностями). Королевская еда! Их можно проглотить целиком. Но приятели не верят, когда я говорю им, что лучшие морепродукты – в Северной Корее. А между тем это правда! Они меня не понимают, потому что я из другого места. И они даже вообразить не могут, какое оно...

Метропоезд разогнался до полной скорости, пол в вагоне вибрирует под ногами. Рядом со мной *аджума* с завитыми волосами смотрят свой любимый сериал на экране телефона со складной антенной. *Аджума* – так здесь называют домохозяйек... Студентки, обутые в туфельки на высоких острых каблуках, держатся за металлические поручни и с отстраненным видом слушают айпод через наушники, словно примагнитенные к ушам. Еще одна девушка достает карманное зеркальце и подкрашивает ресницы. Девушки с презрением игнорируют бродячего торговца компакт-дисками: тот при помощи колонок на колесах пытается продать старикам в вагоне коллекцию Фрэнка Синатры. За окном огромные станции проплывают мимо, механически сменяя друг друга.

Южнокорейское метро навевает задумчивость. Я погружаюсь в прошлое: вспоминаю метро в Пхеньяне, где давным-давно побывала вместе с папой. Станции там были такие вели-

чественные и роскошные, с фиолетовыми люстрами, как в кино! На здешние бледные светильники и смотреть не стоит. Я всегда буду помнить путешествие в Пхеньян, нашу столицу. Мне тогда было девять лет; мы ездили втроем: Кымсун, я и папа. Мама предпочла остаться дома. Волшебное путешествие, пусть у нас и не было еды. В Пхеньяне нет небоскребов, но зато мы видели строящуюся гостиницу: она уже достигала 150 метров в высоту. Наверху балансировали люди и механизмы. Снизу они казались не больше муравьев!

До университетского городка больше трех остановок, и сердце бьется быстрее, в унисон с движением поезда. Скорость внушает мне меланхолию: она напоминает, что я с другой планеты. Там для того, чтобы добраться из Ындока (маленького городка, где мы жили) в Чхонджин (город, где жили мои дедушка и бабушка, всего в 95 километрах), требовалось два бесконечных дня. Изнурительное путешествие в лютом холоде; люди теснились в вагоне, как скот, а мочиться приходилось в железную коробку, чтобы не потерять свое место. Здесь, в Южной Корее, я могу покрыть то же самое расстояние в комфортабельном вагоне высокоскоростного поезда за 20 минут. В Северной Корее лишь столица располагала современными сооружениями, такими, как восхитившее меня пхеньянское метро.

Я думаю обо всех тех, кто остался позади и о ком я ничего не знаю с тех пор, как в 11 лет бежала из страны, чтобы выжить. Тогда у меня в животе и в доме было пусто. Тетушки, дядюшки, школьные товарищи – пережили ли они голод? Один из пассажиров в вагоне искоса на меня смотрит. Как на иностранку... Между тем я делаю все, чтобы походить на коренную жительницу Южной Кореи. Я ношу туфли на каблуках, короткую юбку и облегающую блузку. На самом же деле я родилась 15 августа 1986 года в Ындоке, маленьком промышленном городке провинции Северная Хамген. После девятилетней одиссеи через Китай и Монголию я смогла обрести свободу. В Сеуле я получила паспорт, теперь я нахожусь здесь законно и начинаю новую жизнь.

Тем не менее, часто воспоминания тягостны, и меня неотступно преследует вопрос: почему мой народ в Северной Корее должен так страдать? Приехав в Сеул, я узнала ответ из газет и книг: виновен абсурдный тоталитарный режим. Виновно безумие жестокой династии Ким, которая топит в крови любое сопротивление. Виновна экономическая катастрофа – следствие доведенной до абсурда коммунистической системы. Однако меня эти ответы не удовлетворяют. Они не приносят спокойствия сердцу.

Главная причина моего недовольства в том, что объяснения оставляют меня абсолютно беспомощной. Я безбедно живу в 40 километрах от границы с колючей проволокой, отделяющей меня от родной земли, и никак не могу помочь своему народу, измученному голодом и давлением беспощадной власти. Северная Корея стала черной дырой для 22 миллионов людей, забытых всей планетой и братьями по крови из Южной Кореи. Иногда эта боль затопливает меня.

«Станция Синчон».

Автоматический голос разрывает тишину в вагоне и выдергивает меня из задумчивости; словно зомби, я выхожу на платформу, отыскиваю дорогу и начинаю взбираться по лестнице. В любом случае, выбравшись однажды на поверхность, я решила не оставаться в бездействии. Не может это продолжаться! Мою историю нужно рассказать, чтобы не позволить забыть мое ужасное прошлое. Чтобы миллионы медленно гибнущих жителей Северной Кореи обрели голос. И для того, чтобы рассказать о страданиях сотен тысяч таких, как я: о тех, кто пытался сбежать из ада и прозябает теперь в Китае. Нас, достигших «земли обетованной», Южной Кореи, – 22 тысячи. И здесь нас всегда считают людьми второго сорта, хотя единственная наша провинность состоит в том, что мы отказались умирать от голода.

Поскольку мои северокорейские братья не имеют права говорить, я напишу от их имени. Я уверена: однажды две Кореи объединятся. Нам понадобится помощь всего мира, чтобы вос-

становить отношения после долгой разлуки. Но чтобы найти решение, прежде всего требуется знать, каковы корни зла.

Некоторые из них я вместе с матерью и сестрой узнала после того примечательного дня, когда решила, что моя жизнь закончилась.

Глава 2. Я была хорошей ученицей...

Я никогда не думала, что исчезну так быстро. Зимой 1997 года детство меня окончательно покинуло, хотя я этого и не поняла. Перед тем я была просто маленькой девочкой, скорее счастливой. До девяти лет я ни в чем не испытывала нужды.

Ындок, мой родной город, находится на северо-восточной оконечности моей гористой страны, менее чем в 15 километрах от реки Туманган¹, отделяющей нас от Китая и России. В другую сторону – меньше часа езды на автомобиле до моря. Зимой стоят сильные морозы, и под громадным синим небом неделями лежит снег. Иногда для того, чтобы попасть в школу, нужно было идти по равнине, проваливаясь в снег по грудь. Зато на мой день рождения, в середине лета, всегда было жарко и влажно. В тот же день отмечают освобождение от японской оккупации в 1945 году. Это большой праздник.

Хотя мой город окружают заводы, он невелик: можно обойти за час. На горизонте виднеются немногочисленные деревья на дальних горах, но ближайшие холмы кажутся лишенными растительности, поскольку лес вырублен на дрова. Недалеко от окраины города находятся рудники, получившие известность с тех пор, как сюда сослали опальных пхеньянских руководителей. Поблизости также много армейских сооружений, как и везде в стране, ведь мы все время опасаемся вторжения Соединенных Штатов и их союзника, Южной Кореи. Забираясь в горы за грибами, я замечала в той или иной степени закамуфлированные большие пушки, а подальше – казарму, которой мы старались избегать, так как военные пользовались дурной репутацией. Они часто применяли силу, чтобы грабить бедняков. Например, если группа солдат встречала курящего человека, они могли потребовать у него пачку сигарет. И если он отказывался, тем хуже для него!

Под большим мостом в центре Ындок протекала река; иногда я в ней купалась. От моего дома до реки десять минут пешком. Самые высокие здания в городе были из серого бетона, с выкрашенными в белый или розовый цвет балконами; они насчитывали максимум шесть этажей. Рекламы не было. Стены или оставались голыми, или на них вывешивали надписи в честь нашего руководителя Ким Чен Ира. В доме, где я жила, было всего четыре этажа и стены все в трещинах. «Этот дом в конце концов развалится», – говорили соседи.

Несмотря ни на что, в начале 1990-х годов я чувствовала себя вполне счастливой. Ничто меня так не радовало, как встречи с папой после школы. В иные дни он, раздобыв билеты при помощи связей на работе, вел меня в кино. Он был рабочим на военном заводе имени 20-го января, названном так в память о посещении этого места президентом Ким Ир Сеном, основателем нашего государства. В Северной Корее большая часть государственных зданий названа в честь дат их посещения руководителем. Эта странная традиция – признак учрежденного нашими правителями культа личности, но я это пойму только много времени спустя.

Каждый раз папа назначал мне встречу возле кинотеатра, ближе к вечеру. Я приходила совсем одна, как большая. Но иметь билет в кармане недостаточно: самое трудное – получить сидячее место, так как у входа в зрительный зал возникала давка. Тогда папа меня поднимал, я верхом усаживалась ему на спину, и мы рассекали толпу. Я обожала этот момент! Мы смотрели приключенческие фильмы, в которых герои боролись против злых японских колонизаторов. Возле экрана в кинотеатре огромные плакаты провозглашали: «Объединимся с генералом Ким Чен Иром!»

Иногда папа вел меня на рынок, чтобы купить холодной лапши, это особенное пхеньянское блюдо. Мы несли ведро, он гордо предъявлял женщине за прилавком четыре государ-

---

¹ Ким. Тумэньцзян, рус. Туманная. – Примеч. пер.

ственных пищевых талона, и мы отправлялись домой смаковать нашу еду. Я никогда не ела ничего вкуснее! Даже если пищи не хватало, чтобы удовлетворить наш аппетит...

Мои родители происходили из «хороших» семей и представить не могли, что однажды будут умирать от голода. Это значит, что у них были хорошие связи в армии и Трудовой партии, которые руководят страной. Подтверждение: в молодости мои родители жили в Пхеньяне, а жить в столице – привилегия. Мой дед был военным в невысоком чине и лелеял большие надежды относительно дочери. Он мечтал отправить ее в престижный университет Ким Ир Сена, лучший в стране, где учился сам Ким Чен Ир. Дедушка даже подкупил учителей, сделав новую игровую площадку в школе, чтобы дочь наверняка получила хорошие оценки на вступительном экзамене. К несчастью, моя мать была парнем в юбке и не интересовалась учебой. Она хотела стать шофером! И в день экзамена она опоздала... В один миг дедушкины мечты рухнули.

Тогда мама впервые проявила стальной характер, который позднее, без сомнения, спас мне жизнь. Мама всем заправляла в доме. Роста она невысокого, зато женщина умная и решительная. Когда она болела, ее лицо оставалось свежим и не изменяло обычного выражения. Я похожа на маму; когда я была маленькой, это меня приводило в отчаяние: ведь, когда я чувствовала себя больной, мне не верили и все равно отправляли в школу. Возможно, эта сила позволила мне выжить там, где не выдерживали другие.

В Ындоке моя мать работала в рудничном госпитале и благодаря этому кормила всю семью. Она приносила нам остатки еды из столовой и так несколько лет спасала нас от голода. Мама часто жаловалась на отсутствие практичности у отца; она считала его и слишком наивным, и недостаточно сильным физически. На свадебной фотографии папа довольно красив, но я помню, что на самом деле у него было тщедушное телосложение. Однажды мать отправила его воровать кукурузные зерна в поле, чтобы нас накормить. Он вернулся с пустыми руками... и без пальто: отца поймали крестьяне, грозили выдать, и пальто пришлось отдать. Мама была в ярости! В Корее мужчина должен быть сильным, если хочет от жены уважения. Брак родителей устроила моя бабушка с материнской стороны в то время, когда мама переехала из Пхеньяна в Чхонджин, крупный порт на востоке.

У папы не было делового чутья, зато имелась одна страсть: письмо. На заводе он всегда охотно брался составлять отчеты, а также плакаты и агитационные статьи. Но прежде всего он был человеком добрым, и мне, маленькой девочке, этого хватало.

В трудную минуту я также могла положиться на старшую сестру. Если ко мне приставали мальчишки, она бросалась на них и без колебаний вступала в драку. Кымсун на меня не похожа, но все-таки однажды нас приняли за близнецов. Она на два года старше, но ниже ростом; у нее матовая кожа и глаза больше, чем у меня; зато у нас одинаковые носы, и между нами есть определенное семейное сходство. Особенно проклятый характер! Она уверена в себе, очень хорошо умеет находить доводы и убеждать в своей правоте. В Ындоке друзья родителей за серьезный вид прозвали Кымсун «взрослым ребенком».

Я очень любила школу и была хорошей ученицей. Каждодневный ритуал: мама будила нас затемно, я умывала лицо холодной водой (зимой вода часто ледяная). Потом, пока мама готовила завтрак, я бережно гладила школьную форму. Синяя юбка, белая рубашка и красивый красный галстук, знак принадлежности к Союзу детей. Я пока не имела права на значок с изображением Ким Ир Сена, который каждый гражданин Северной Кореи постоянно носит на груди с того момента, как подростком вступает в Союз молодежи. В рассветных сумерках я шла на большую площадь в центре города, где встречала школьных товарищей. Ровно в 7 часов мы размеренным шагом шли в школу, рядами, класс за классом, и пели песни в честь наших вождей. «Даже если мы малы, наш дух велик! Мы всегда будем готовы служить генералу

Ким Чен Иру!» Одна из моих любимых песен называлась «Тысяча ли». Она рассказывала о путешествии молодого Ким Ир Сена через деревни и горы Китая в то время, когда он боролся против японцев.

После десятиминутного военного марша мы, как один человек, останавливались перед школой; учителя осматривали нашу школьную форму. Наконец, мы собирались в классной комнате, где всегда начинали день с чтения в тишине. Обычно мы читали рассказы о юности Ким Чен Ира: следовало почерпнуть из них примеры хорошего поведения. Например, вот история о том, как мать Ким Чен Ира собирала зерна с земли на глазах у изумленного сына. «Почему ты так поступаешь, мама, ведь у тебя всего вдоволь?» – спросил будущий великий вождь. «Потому что никакими запасами пренебрегать не следует», – благоразумно ответила мать.

Я не всегда понимала смысл этих историй, но пыталась выгравировать их в памяти, как того требовала учительница.

Я часто украдкой рассматривала классную комнату: дощатый пол, ряды парт и 40 учеников. Передо мной, на помосте, стоял большой деревянный письменный стол учительницы; выше на стене висела черная доска, и на самом верху – портрет Ким Чен Ира, который внимательно смотрит на нас. В глубине помещения – печь, на ней мы зимой разогревали котелки с обедами.

Затем приходила учительница и назначала одному из нас громко прочесть открытую страницу. Изучение жизнеописаний наших лидеров считалось одним из самых важных предметов, наряду с математикой, корейским языком и коммунистической этикой. Во время занятий нужно было соблюдать тишину, любая выходка наказывалась публичным унижением: перед всем классом учительница била провинившегося большой палкой, которая служила и указкой. Тогда я находила нормальным подобное наказание за озорство. Надо сказать, что мне всегда удавалось его избежать благодаря статусу отличницы.

Однако я не могла избежать ежедневных сеансов самокритики, обязательных для всех жителей страны как на заводе, так и в школе. В конце дня мы все должны были по очереди признавать свои ошибки перед классом. Я помню, как однажды рассердилась на тяжелую работу в огороде учительницы (одна из неприятных обязанностей, которые предписывалось исполнять хорошим ученицам):

– Зачем собирать кукурузу, мы же все равно не сможем потом ее съесть!

Одноклассница донесла на меня; после этого учительница отозвала меня в сторону и строго сказала:

– Подобное индивидуалистское поведение неприемлемо в социалистическом обществе Северной Кореи!

На следующий день мне пришлось униженно выступить с публичной самокритикой, но потом я перешла в контратаку и, в свою очередь, донесла о капризном поведении одноклассницы, которая меня продала. По правде говоря, я отомстила со злорадством, поскольку завидовала той девочке: ее отец работал на том же заводе, что и мой, но занимал более высокую должность и получал куда лучшее продовольствие.

В школе надо было уважать иерархию. В начале каждого года мы «выбирали» старосту класса и ответственных за выполнение важных заданий. Официально выборы свободные, но кандидат всего один! Теперь я понимаю, что это был маскарад по образцу диктатуры, и сегодня царящей в стране.

Вот как это происходило: как-то накануне выборов учительница незаметно отозвала меня в сторонку – конечно, потому, что я была отличницей. Назавтра, в день выборов, учительница обратилась к классу:

– У вас есть кандидат?

Тишина в рядах. Тогда я робко подняла палец и пробормотала: «Ким Сонку», следуя полученным накануне указаниям.

– Кто согласен? – спросила учительница.

Весь класс одобрил без всяких колебаний, и вот так был избран мой одноклассник Ким Сонку. На самом деле мы подозревали, что его отец, плотник, поставляет учительнице деревянные указки. В Северной Корее нет лучшего способа обеспечить успех ребенку, чем подарки учителям. Это еще одна вещь, которой мои родители не понимали, они никогда не ходили на родительские собрания.

Однажды выборы все же меня удивили. Учительница просила учеников выбрать ответственного за ежедневную уборку класса после уроков. Неблагодарное занятие, но оно все же позволяло занять определенное место в школьной иерархии. И вот мальчик встал и назвал мое имя. Тогда я была застенчива с мальчиками, не разговаривала с ними; того мальчика я раньше не особенно замечала, но с тех пор стала тайком на него засматриваться. Он носил нашивку с двумя полосками и тремя звездочками, это считалось престижным. У меня было всего две звездочки. Эти значки отмечали иерархию в классе, лучше всего было иметь три звездочки и три полоски. Учительница присуждала эти украшения в награду лучшим ученикам: самым умным или тем, кто добровольно выполнял внешкольные задания. Часто учительница награждала детей тех родителей, которые проявляли щедрость по отношению к ней или к школе. Например, когда разбилось стекло, родители предложили оплатить ремонт. И – оп! – их сын получил продвижение. Так заведено в Северной Корее. Но мои родители, к несчастью для Кымсун и для меня, никогда этой системы не понимали.

Я тогда спрашивала себя, самостоятельно ли заметил меня тот мальчик или учительница дала ему такое распоряжение? И сейчас это для меня тайна. Я не знаю, кем он стал, и, без сомнения, никогда этого не узнаю.

Глава 3. В царстве Ким

Я всегда буду помнить тот июльский день 1994 года...

Мне вскоре исполнилось восемь лет. Дождь лил как из ведра. Мы в ту пору жили в маленьком доме, и потоки тепловатой воды так сильно барабанили по крыше, что с потолка просачивались большие капли. Я вместе с папой бегала по комнате, расставляя ведра, чтобы избежать потопа. Внезапно со стороны входной двери донесся глухой шум. На пороге появился промокший человек. Мы были изумлены: пришел глава нашего квартала, его называют *иминбан*. Страшный человек: в его обязанности входит наблюдать и доносить властям обо всем, что происходит в нашей кучке домов.

Вся страна разделена на участки наблюдения этих пугающих персонажей, которые и сейчас обеспечивают контроль государства над жизнью каждого человека среди 22 миллионов жителей Северной Кореи.

– Сегодня вечером посмотрите телевизионные новости, – торопливо приказал он. – Сообщат важное известие.

Потом, не задерживаясь, он исчез в потоках воды. Мы впервые получили приказ такого рода.

В указанный час я устроилась перед телевизором рядом с Кымсун и отцом. Мы были взволнованы от любопытства, немного нервничали. Должно было произойти нечто экстраординарное. Как всегда, на фоне Пхеньяна и реки Тэдонган появилась ведущая, затянутая в традиционный костюм. Но тем вечером у нее был расстроенный вид, казалось, она готова была заплакать.

– Президент Ким Ир Сен умер, – сказала она вдруг. Мой отец окаменел: только что небеса обрушились на землю. Мы с сестрой посмотрели на папу с тревогой. Нас гипнотизировали сменяющие друг друга на экране картины. Я не все понимала, но знала: случилось невообразимое.

Потом с работы пришла мать. Она плакала – я никогда не видела ее в таком состоянии. В больнице она узнала новость вместе с коллегами; от шока у одного из них случился сердечный приступ. В этот день от потрясения умерло много людей по всей стране. Моя мать была глубоко опечалена, так как она искренне любила нашего президента. Будучи ребенком, в Пхеньяне она ходила в школу неподалеку от Мангендэ – места, где в деревенском доме со стенами из соломы и глины родился Ким Ир Сен. Эта ферма стала местом национального паломничества; меня тоже туда приносили, когда я была совсем маленькой. Мать рассказывала мне, как однажды сам Ким Ир Сен, из плоти и крови, приехал к ним в школу. Она стояла всего в метре от него! Он был очень высокий, с красивой улыбкой, как она говорила. На портретах, которые висели повсюду (например, над входом в вокзал в Ындоке), Ким Ир Сен выглядел приятным и теплым человеком.

Для нас он был богом, и мысль о его смерти казалась невообразимой. Можно ли жить без бога? Без отца? Этот человек освободил нас от японского ига, он основатель государственного строя, наш всеобщий отец. Когда было объявлено о его смерти, до грандиозных похорон во всей стране остановилась жизнь. Через несколько дней прямую трансляцию похорон показали по телевизору. Во всех уголках Северной Кореи разворачивались сцены коллективной истерии: в слезах катились по земле солдаты, выли от горя женщины. И не прекращался дождь. По телевизору ведущая объяснила: «Даже небо оплакивает смерть нашего великого вождя».

Сейчас, в сердце Южной Кореи, эта формула отдается у меня в ушах, ведь она – символ промывания мозгов, которому мы подверглись и которое поныне применяется в Северной Кореи. Тогда, будучи маленькой девочкой, я действительно думала, что 8 июля 1994 года небо

плакало от отчаяния. Позже я узнала: попросту наступил месяц муссонов, в это время года в Корею всегда много дождей. Но я была отравлена, верила всему, что мне рассказывали в школе и дома, и у меня не было никакой возможности услышать другую версию толкования событий. Даже у взрослых не было возможности сравнивать.

Изгнание позволило мне постепенно избавиться от влияния пропаганды и взглянуть в лицо действительности: моя страна в руках кровавой диктатуры. Ким – не отцы и защитники, но тираны.

Однако у подавляющего большинства моих соотечественников нет никакой возможности увидеть правду. Мой народ остается полностью изолированным и живет в закрытом мире. Народу Северной Кореи не нужно стремиться к прозрению, если он смиряется, поскольку у людей нет никакой возможности мыслить критически и они не сознают всей величины своего несчастья. Население не может по-настоящему измерить тяжесть диктатуры. Интернета не существует ни для кого, за исключением самых высокопоставленных ответственных партийных работников. Запрещен доступ к иностранному телевидению; телефонные звонки и почта из-за рубежа могут привести в трудовой лагерь.

Тем не менее, все больше информации по крупицам проскальзывает через китайскую границу благодаря нелегальным торговцам, но ее влияние не достигает внутренних провинций. На южной границе, самой охраняемой в мире, сторожевые вышки и мины создают непреодолимый заслон: ни одно послание не достигает Северной Кореи, за исключением единичных переброшенных через колючую проволоку листовок, изобличающих преступления Ким. Семьи, разделенные со времени окончания войны в 1953 году, не имеют никаких известий о родственниках, живущих по ту сторону ДМЗ². Так называется граница с колючей проволокой, которая все еще разделяет надвое Корейский полуостров. Меж двух обществ установилось забвение.

На следующий день после смерти Ким Ир Сена я, как и все, не сдержала слез. Мать рано утром отправила меня и Кымсун в горы собирать цветы. Это обязанность, которую мы, как и другие дети, исполняли в каждый день рождения наших руководителей. И худо бы нам пришлось, если бы мы вернулись с пустыми руками или, еще хуже, с желтыми цветами, тогда мы стали бы всеобщим посмешищем и понесли наказание от учителей: желтый цвет считается цветом наших американских врагов. Ведь мы верили, что все американцы – блондины!

Вечером 9 июля 1994 года, после набега детей, в округе не осталось ни одного растущего цветка.

Что касается меня, то после сбора цветов я вернулась, чтобы присутствовать на церемонии оплакивания в центре города, и посреди этой рыдающей толпы я, в свою очередь, тоже начала плакать. Я точно не знала, почему плачу, но чувствовала, что так нужно. Я была захвачена атмосферой. Помню, что стоявшая рядом со мной подруга не смогла дойти до этого состояния. «Она притворяется», – подумала я, глядя на одну-единственную жалкую слезку, выступившую на уголке ее века. Но выбора у девочки не было. Если бы ее глаза остались сухими, о ней могли плохо подумать.

Однако наша боль была искренней, мы любили Ким Ир Сена всем сердцем, так же, как и его преемника, Ким Чен Ира. Для нас они были как для других детей – Дед Мороз! Дни их рождения, 15 апреля и 16 февраля, для детей были волшебными. От наших руководителей мы получали килограмм сладостей. Уже накануне я была как на иголках, не могла уснуть. Утром, одетая в идеальную школьную форму, я гордо принесу домой свой подарок: большой прозрачный пластиковый пакет с надписью: «В этом мире нам больше нечего желать». Как я

---

² Демилитаризованная зона. – *Примеч. пер.*

полагаю, таким способом нам давали понять, что нет никого счастливее нас... В пакете лежали жвачки, карамель, соевый мармелад в сахаре и печенье. Мечта! На обратном пути я прижимала к себе сокровище, завернутое в кусок ткани, который мне давала мать из осторожности, чтобы избежать лишней зависти.

Даже после приезда в Южную Корею мне потребовалось время, чтобы осознать правду. Я не хотела верить в то, что Ким Чен Ир был беспощадным диктатором. В Сеуле я прочла книгу японского повара, бежавшего в Токио после того, как он долгие годы готовил для Ким Чен Ира суши. Кендзи Фуджимото в деталях рассказал о жестокости и оргиях нашего руководителя. Это так далеко от образа святого защитника, который мне демонстрировали в школе, что поначалу я не могла поверить написанному.

Каждое утро в школе мы изучали один случай из примерной жизни Ким Чен Ира. Нам объясняли, что в день, когда он родился, звезда появилась над горой Пэкду, громадным вулканом, возле которого тысячелетиями селился наш народ. Это походило на волшебную сказку. Пели о добродетелях нашего освободителя Ким Ир Сена. Когда я, еще будучи ребенком, побывала в Пхеньяне, папа мне показал в парке, расположенном у реки Тэндонг, величественное дерево: на него, будучи маленьким мальчиком, забрался Ким Ир Сен, чтобы попытаться схватить радугу. Мне говорили, что именно в тот момент у него появилась идея устроить социалистическую революцию.

Сегодня весь этот обман испарился, и я со страхом смотрю в лицо истине. Теперь я знаю ужас трудовых лагерей в моей родной стране, где по меньшей мере 150 тысяч узников каждый день медленно умирают в то самое время, когда вы читаете эти строки. Я не знала о существовании лагерей, пока жила в Северной Корее; знала только, что люди исчезают. В Сеуле, слушая таких же, как и я, «перебежчиков», я поняла, что на самом деле наша страна – обширная тюрьма, в которой заключенные не сознают величины своего несчастья, так как прежде всего должны бороться за выживание.

Все эти вопросы вновь пришли мне на ум в ноябре 2010-го, когда Северная Корея внезапно подвергла бомбардировке южный остров в Желтом море. Всего в 70 километрах от Сеула от артиллерийских снарядов погибли четыре человека. Мы с сестрой сначала подумали о войне.

– Они сошли с ума! – сказала мне Кымсун.

Я, со своей стороны, не думаю, что случится большая война; равно я уверена в том, что правительство никогда не откажется ни от власти, ни от созданного втайне атомного оружия. И я спрашиваю себя, придется ли мне однажды вернуться в Северную Корею, освобожденную от тирании, нищеты и голода...

Глава 4. «Скоро мы все умрем»

Тело у меня стало плотным, словно древесный сучок, но мне казалось, будто я вешу тонну. Я бессознательно тонула в замерзшей земле. Меня неотвратимо настигала ледяная темнота в квартире. У вялого ума больше не осталось сил бороться, а сердце лишилось мужества. Все было кончено, я больше не вздрагивала, услышав шаги на лестничной площадке. Декабрьским вечером 1997 года, в возрасте 11 лет, мое существование прекратится...

Внезапно по барабанным перепонкам ударил глухой шум. Сон? Кошмар? Я машинально приоткрыла глаза. Надо мной темнел силуэт, тень разрасталась. В испуге я проснулась. И внезапно увидела родные черты! Это мама! И Кымсун, прямо за ней.

Всплеск адреналина придал мне энергии, страх тут же испарился. Огромная радость! Я никогда не думала, что могу быть так счастлива, как в то мгновение.

Несколько часов назад я составляла завещание. И вот они! Это чудо... Я вдруг немного устыдилась своего крика отчаяния, раздавшегося в то время, когда мать и сестра уже возвращались домой. Не слишком отважно. Кроме того, я написала маме слишком суровые вещи. Она нашла мою записку, оставленную на низком столике. Я затаила дыхание. Мама читала молча. Ее лицо не выдавало никаких эмоций, я никогда не узнаю, что она чувствует вала. Моя радость поблекла...

...И полностью рассеялась, когда я поняла, что, вопреки всем ожиданиям, мать и сестра вернулись с пустыми руками. Поход в Раджин-Сонбон потерпел фиаско. Мне не могли дать никакой еды, а я была так голодна! Во рту у меня ничего не было после того безвкусного бульона, с тех пор прошло два дня. Я не осмеливалась показать, что ужасно разочарована.

У мамы после долгого бесполезного путешествия был измученный и растерянный вид. Чтение моего завещания ничего не исправило. Поскольку есть было нечего, мама налила себе стакан воды.

Ее взгляд блуждал по контурам темной пустой комнаты.

– Нам теперь остается только умереть здесь, – устало проронила она. – Мы все умрем.

В молчании она упала на залатанный тюфяк, лежавший вдоль кухонной перегородки, под окошком для передачи тарелок. Там в квартире меньше всего чувствовался холод. Мы с сестрой скорчились рядом с мамой. Нас обволакивала темнота. Я погрузилась в сон, последнее наше убежище. Нас измучил голод, надежды не осталось, но, по крайней мере, я теперь была не одна.

Утром до нас донеслись крики с улицы, но мы не двигались. Мама еще несколько часов неподвижно лежала на полу, словно уснула навеки. Груз на ее плечах стал невыносимым. Мама знала, что она – последняя наша защита от голода, заразной болезни, обрушившейся на страну три года назад и с каждым днем становившейся все тяжелее. С 1995 года члены моей семьи умирали как мухи, один за другим, и мы оказались следующими в списке. За два года мама потеряла сначала свою мать, потом отца. И месяц назад не стало нашего папы: его тоже унес голод. С закрытыми глазами мама, должно быть, видела этот бесконечный похоронный фильм.

Я год не ела лапши. Однако до 1994 года я никогда не чувствовала нехватки еды, поскольку моя мать, как я уже говорила, приносила домой остатки пищи из больничной столовой. Благодаря этому мы регулярно ели рис с *кимчи*, нашим национальным блюдом из квашеной капусты и специй. *Кимчи* – красное, острое и придает вкус! Однажды привыкнув, потом невозможно без него обходиться. Но с тех пор, как мне исполнилось девять лет, рис у нас был не каждый день: в больнице становилось все меньше продуктов. Вместо риса мама давала нам жидкую кукурузную кашу, я ее вовсе не любила. Я хныкала:

– Не хочу это есть!

Впрочем, я знала, что ничего другого нет.

С того времени государственный магазин около нашего дома стал почти бесполезен. Маленькое бетонное строение с железными решетками на двух окнах больше походило на тюрьму, чем на магазин. Все снабжение города официально должно было проходить через это мрачное место, поскольку, согласно социалистической догме, в Северной Корее все принадлежит государству. В принципе, в магазине можно было найти и школьную форму, и рис, и масло. Но часто – ничего. В течение двух лет магазин почти всегда был закрыт из-за отсутствия снабжения. Понемногу пайки на заводе стали нерегулярными, а потом их вовсе перестали выдавать. И каждый, чтобы выйти из затруднения, покупал и продавал, что мог, на «черном» рынке, *янгдаманге* (рынке, который власти терпели), или прямо на улице. На порогах домов выставляли вещи на продажу, чтобы на вырученные деньги купить еду. Цены на продукты взлетели.

Со времени побега из Северной Кореи я узнала, что мы стали жертвами «великого голода», опустошавшего страну в середине 1990-х годов. Еще и сегодня ни один эксперт не знает точно, сколько людей погибло в результате этой трагедии, которую отрицает правительство: по меньшей мере 500 тысяч. По данным некоторых неправительственных организаций – возможно, больше миллиона. В Сеуле я выяснила, что моя провинция, Северная Хамген, более всего пострадала от катастрофы.

Причины голода сложны и многочисленны. Прежде всего, распад Советского Союза в 1991 году дестабилизировал экономику, зависимую от помощи большого коммунистического брата. Из-за недостатка электричества постепенно прекратили работу заводы, в полях не стало удобрений, пайки сокращались, как шагреновая кожа. А потом, с 1994 года, наводнения доби-вали агонизирующее сельское хозяйство моей провинции. Немногочисленные запасы были отданы военным и элите, пока остальное население понемногу вымирало. Сначала дети, потом пожилые люди и женщины. Со времени моего рождения в середине 1980-х годов качество пайков все время ухудшалось, но с 1994 года резко уменьшилось их количество, поставки периодически отменялись. Официально работники магазина говорили о простой задержке. Между тем иногда мы по шесть месяцев ничего не получали.

Первой, в 1995 году, скончалась моя бабушка в Чхонджине. На следующий год пришел черед моего дедушки, отставного военного. Он не перенес лишений, его хрупкое здоровье не выдержало, когда прекратили выдавать государственные пайки. Моя мать узнала о трагедии из письма. Оно пришло много времени спустя после похорон. Вот так она не смогла попрощаться с отцом из-за медленной доставки почты. Закрывая глаза, мама, должно быть, думала обо всем этом.

Парадоксальным образом моя семья дорого заплатила за свой «привилегированный» статус и слепое доверие к системе: никто из нас не мог вообразить, что государство бросит нас погибать от голода. Наше питание полностью зависело от государственных пайков, и семья внезапно стала редеть быстрее остальных – тех, кто вынужден был научиться выживать иначе. Только те, кто наладил торговлю на «черном» рынке, чтобы заработать денег, имели достаточно средств, чтобы покупать еду на рынке. Руководители высшего звена и военные высокого ранга имели доступ к особому снабжению. Наконец, офицеры в средних чинах (как мой дед) больше всего пострадали от прекращения поставок пайков. Мамин отец никогда не обладал деловым чутьем и не смог ничего предпринять, чтобы выжить.

Летом 1997 года голод поразил папу. У него было слабое телосложение, и он худел на глазах с тех пор, как на заводе перестали выдавать пайки. Я еще помню его лицо, помню, как его щеки все сильнее западали. Однажды вечером отец принес уголь для отопления; он был сломлен усталостью и отчаянием, и на глазах у мамы его тщедушное тело рухнуло на пол.

«Перед тем, как уйти, умирающие делают глупости», гласит наша поговорка. В последние дни отец потерял голову от голода. Он совершал нелепые действия, которые сводили маму

с ума. Однажды, вернувшись с работы, мама нашла квартиру совершенно пустой. Обезумев, она стала кричать про ограбление. На самом деле, соседи убедили моего отца доверить им все наши вещи, чтобы продать их на рынке. Рассерженная мама нашла на *янгдаданге* свои самые ценные вещи, например, красивые перины, подаренные на свадьбу. Слишком поздно, они уже были проданы!

Потом наступил день, когда папа окончательно сдал. У нас даже не было денег, чтобы заплатить за погребение. На могиле, вырытой в грязи, мы могли оставить только деревянную табличку с именем, чтобы его не забыли слишком быстро. Через несколько недель табличку украли: конечно, пустили на дрова. Каждый был готов на все, чтобы выжить.

С тех пор, как папы не стало, наше существование превратилось в ад; на горизонте осталась одна только борьба за выживание. Даже в больнице больше не могли кормить больных, продуктов теперь не получал никто. Как я уже говорила, мы перестали ходить в школу, поскольку больше не могли появляться на людях. Самое же главное, что у нас не было времени, наши дни были полностью посвящены поискам еды.

Мы трое жили как заключенные в квартире, скрывавшей нас от посторонних взглядов. Каждый день мы украдкой ходили в поля, крали там рис и кукурузу, прячась от военных патрулей. На скорую руку мы рвали охапки растений, потом отходили подальше в горы, и там, в стороне от чужих глаз, отделяли зерна. Мы также искали грибы и корни; иногда рубили деревья, все более редкие, чтобы продать дрова и накопить на пропитание. Мама из последних сил работала топором, а мы с Кымсун ломали самые тонкие ветки и делали из них маленькие вязанки. Это было так тяжело! К счастью, нас ни разу не поймали на месте преступления.

Неподвижная, с полужакрытыми глазами, мама, должно быть, по замкнутому кругу проходила через все эти картины. Поход в Раджин-Сонбон был ее последней надеждой. Она думала, что в порту могла бы найти способ заработать денег или раздобыть еду и спасти нас. Но эта последняя попытка провалилась.

Наша мать не двигалась, но странным образом я чувствовала, что в тишине она обдумывает план.

Снаружи солнце было уже высоко. Внезапно мама поднялась, глаза у нее загорелись. Она решила перейти к действию. Ее инстинкт выживания еще не угас.

Глава 5. Бегство

В тот день мама прошла точку невозврата. Я снова вижу перед собой ту комнату и маму с новой решимостью во взгляде, контрастирующей со вчерашним отчаянием. На моих глазах она сейчас сделает то, что я никогда бы не могла счесть возможным.

В один шаг она оказалась у стены, сняла портреты Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Это были цветные фотографии под стеклом, заключенные в деревянную золоченую рамку. С самого раннего моего детства руководители день и ночь наблюдали за нами, как смотрят они сейчас на каждую семью в стране. Их портреты повсюду, в каждом здании, даже в вагонах пхеньянского метро. Это священные предметы нашей новой тоталитарной религии, изобретенной Ким Ир Сеном.

Но моей матери теперь было все равно. Она осторожно вытянула фотографии наших высокочтимых руководителей. После этого она схватила рамки и разломала на мелкие кусочки. Это последнее, что мы могли продать. Она только что совершила преступление, подлежащее наказанию смертной казнью. Главное, чтобы никто не узнал, откуда щепки. И если бы соседи нашли фотографии без рамок, на нас могли донести за оскорбление наших руководителей. Поэтому из предосторожности мама решила сжечь фотографии.

С щепками она отправилась на рынок, и, выручив немного денег, наконец купила нам еду. Было так хорошо! Казалось, к маме частично вернулась энергия, может быть, от отчаяния. Мама решила продать платяной шкаф, последнюю оставшуюся у нас мебель, за исключением того низкого столика, на котором я написала свое завещание. Но на *янгдаданге* соседи нам возразили: шкаф в слишком плохом состоянии, покупатель на него не найдется. Единственный выход – разбить шкаф топором, чтобы сделать маленькие дощечки. И на это жить несколько дней.

Но дальше – неизвестность. Как выжить? Суровая зима не давала моей матери никакой передышки: в довершение всего, она заболела. Мать больше не могла кормить нас, так что она отправила меня жить к подруге. Я покидала дом, не зная, вернусь ли когда-нибудь назад. Кымсун села на поезд и поехала к нашей тете в Чхонджин. Маме было необходимо восстановить силы. Соседи беспокоились о ее пошатнувшемся здоровье, в то время на улице стояли морозы ниже 15 градусов. Говорили, что призрак моего отца бродит и пытается забрать ее. Призраков надо опасаться. Их много, я всегда очень их боялась, когда была маленькой.

В течение нескольких недель в конце зимы 1997–1998 годов моя судьба резко изменилась. Мать, выбившись из сил, постепенно решилась на немыслимое дело: побег. Бежать из Северной Кореи в неизвестность, чтобы спасти дочерей. Когда мы встретились в начале февраля, я поняла, что мама приняла страшное решение: отправиться в Китай.

Ындок всего в часе пути от границы, но никогда мы не думали о том, чтобы пойти на такой риск. Нелегально пересечь границу, охраняемую вооруженными людьми в форме, казалось планом сумасшедшего. Друзья, которые в первый раз тайно заговорили с нами об этой идее, доказали нам ее обоснованность. Они сказали, что у нас нет никаких шансов выжить здесь. Соседи рассказывали, будто некоторые их родственники благополучно ушли в Китай. Поначалу моя мать не думала об этом, поскольку в годы ее молодости наша страна была богаче Китая. В то время голодные китайцы мечтали приехать в Северную Корею, чтобы поесть досыта. Мир меняется так быстро! И нужно напомнить, что у населения Северной Кореи нет никакой информации обо всем остальном мире, за исключением той, что отсеивает пропаганда, всегда подчеркивая, что лучше жить у нас, чем в хаосе капиталистического мира. Мы росли в постоянном обмане, но в то время я не знала этого.

В конце концов, за неимением лучшего, мама дала себя убедить. Когда же ей в голову приходит какая-то мысль, переубедить маму невозможно. Ничего никому не говоря, она

занялась приготовлениями. Нам предстояло сделаться перебежчиками, предателями родины. Между тем наши соображения тогда были далеки от политических. Нами руководил инстинкт выживания, а не идея восстания против режима. Цель была найти пропитание, чтобы не умереть. Я была не в состоянии критиковать диктатуру Ким Чен Ира, я только хотела есть досыта. Только позже, когда течение нашего ужасного бегства принесло нас в Сеул, только тогда у меня открылись глаза на кабалу, и я осознала весь ужас бесчеловечного режима. Сегодня я могу изобличить его преступления, поскольку нахожусь в безопасности в Южной Корее. И мой желудок сыт.

Прошло 15 лет, но я в подробностях помню тот день в конце зимы, когда началось наше существование в качестве беглецов. Я не знала, что оно продлится девять лет.

В Ындоке наступила ночь. Весна была не за горами, но я дрожала, поскольку температура в городе упала, когда стемнело. В сумерках Кымсун, мама и я выскользнули на улицу. Моя мать навсегда закрыла дверь нашей квартиры. Я несла маленький рюкзак с самыми драгоценными памятными вещами: фотографиями; особенно я дорожила той фотографией отца, где он в шапке перед статуей Ким Ир Сена в Пхеньяне. Она моя любимая. Прохожие, которых мы встречали на улице, не подозревали, что больше нас не увидят. Мама уже зашла к другу, чтобы занять топор и пилу: она притворилась, будто хочет заготовить немного дров. Она не осмелилась сказать, что мы забираем инструменты насовсем. Они должны были подстраховать нас на случай голода во время путешествия в неизвестность. Мама думала, что если нам понадобится еда, будет достаточно нарубить дров и продать их. Моя мать всегда была преисполнена практичности.

Уже наступила ночь, когда мы, после целого часа тряского пути в кузове грузовика, достигли приграничной деревни. Пользуясь темнотой, мы удалились от деревни и двинулись через поле, прячась в кустах. Внезапно мои глаза, привыкшие к темноте, различили в ночи пятно. Река Туманган. За нею – Китай. Я надеялась, что свобода и рис ждут нас на том берегу. Этой ночью мы должны были там оказаться.

Место было мне знакомо, поскольку несколько недель назад мы уже сделали первую попытку. Тогда было начало марта. Следуя полученным советам, мы рассчитывали перейти замерзшую реку. Но нам пришлось признать очевидное: оказалось слишком поздно. Льдины уже плыли по течению реки. Начался ледоход, следовало ждать следующей зимы. Вечность! Ночью мы бесславно вернулись в Ындок. Мама, однако, никогда не признавала себя побежденной и решила: весной мы вернемся, чтобы перейти Туманган, но в этот раз по воде, так как река считалась неглубокой.

И вот ночью мы вернулись. Крадучись мы приблизились к берегу Тумангана. В нескольких метрах от реки я прижалась к песку. Отсюда можно было незаметно наблюдать за перемещением пограничных патрулей вдоль берега. Несколько часов мы оставались неподвижными в тишине. Мама вычисляла длительность и частоту обходов военных.

Около полуночи, после того, как прошел патруль, она подала знак, двинулась вперед и за руки потянула нас за собой. Внезапно мои ноги коснулись воды. Она была ледяная! Мы не умели плавать, но мама крепко держала нас. Очень быстро вода достигла колен, пояса, потом шеи. Я чувствовала, что вот-вот окажусь под водой. Мне было страшно. Мы с Кымсун пытались удержать маму, все такую же решительную.

Наконец она поняла, что река для нас слишком глубокая, и тогда отступила к дюнам. Какое облегчение для меня!

Но мама упрямая. Она велела нам благоразумно оставаться на месте и ждать: она одна попытается найти для нас проход. Медленно ее фигура погружалась в черную, как нефть, воду, становилась все меньше. Я промокла, зубы стучали, и я видела, как моя мать погружается

в темноту. Вдруг она сейчас утонет, и мы ее больше никогда не увидим? И потом, если она сможет перейти на другую сторону, что будет со мной и Кымсун? Когда моя мать исчезла из виду, сердце заколотилось.

После долгих минут ее силуэт вдруг снова материализовался на берегу. С нее стекала вода. Она дрожала всем телом, едва могла идти. Я боялась, что она упадет в обморок. Ледяная вода изнурила ее. В трех метрах от противоположного берега дно внезапно понизилось, и она потеряла его. Потерпеть неудачу в трех метрах от Китая! Я растерялась. В черной ночи две маленькие девочки оказались одни, пытаюсь поддержать больную и промокшую мать. Что делать?

– Что ж, сдадимся пограничникам, – решила она, уступая.

Глава 6. Бездомные: стыд

Перед маленьким пограничным постом нас пристально рассматривал его начальник. Моя мать объяснила, что мы шли за дровами, надеясь продать их в Раджин-Сонбоне, нелегально проникнув в соседний уезд по реке. Я чувствовала, что он ни на секунду не поверил нашей лжи. После минутного колебания он указал нам угол строения. Мы устали до предела и продрогли. Офицер принес нам кукурузные лепешки и сухое молоко и разрешил спать на полу. Мое тело согрелось от *ондоль*, системы подогрева пола, которую используют в Корее. Я провалилась в сон без сновидений.

Утром я поняла, что нам повезло. Человек в форме позволил нам уйти, ничего больше у нас не потребовал. Во время всего нашего путешествия иногда, на наше счастье, попадались щедрые люди, способные испытывать сострадание. Я не знаю их имен, но без них, возможно, меня сейчас не было бы в живых. Я хочу здесь поблагодарить их от всего сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.